

Когда-то разрыв был на редкость безобразным: мало кто верил, что Цянь Юньшу откажется от карьеры ради того, чтобы ухаживать за мужем, который изменил ей и привел в дом внебрачного ребенка.

Впрочем, подробности этой истории никому не были известны.

Сейчас можно было утверждать наверняка лишь одно: хотя бастард родился на целый месяц раньше Мо Цзиньханя и даже удостоивался от него обращения «старший брат», в борьбе за пост главы семьи он потерпел сокрушительное поражение.

Теперь у руля семьи Мо стоял Мо Цзиньхань. Все важнейшие предприятия клана находились в его руках, и никто не осмеливался бросить ему вызов или заикаться о женитьбе.

Учитывая, что Мо Цзиньхань холостяковал уже двадцать девять лет и к нему годами не приближался никто ни мужского, ни женского пола, а также помня, как шумно Цянь Юньшу некогда подыскивала ему пару для династического брака, после чего внезапно передумала и заявила, что сын должен сосредоточиться на карьере и о женитьбе пока не помышляет...

Все эти обстоятельства в совокупности привели к вполне естественным слухам о том, что у него якобы имеются некие тайные хвори.

А единственным человеком на всем белом свете, способным доказать, что с Мо Цзиньханем всё в порядке, был Жуань Вэньюй.

В конце концов, ему довелось делить с ним одно одеяло: когда они были подростками, просыпаясь поутру и оказываясь слишком близко друг к другу, он неизменно чувствовал это.

После того как они впервые случайно попали в неловкую ситуацию, у них выработалось идеальное взаимопонимание: тот, кто просыпался раньше, либо сразу вставал, либо отворачивался к стене, чтобы избежать повторения подобного конфуза.

Поэтому обычно Жуань Вэньюй просыпался, когда Мо Цзиньхань уже уходил, даже не оставляя ему на прощание взгляда на свою спину.

Жуань Вэньюй подошел к роялю и опустился на банкетку. Откинув крышку, он легко провел кончиками пальцев по черно-белым клавишам, затем взмахнул запястьем, опустил руки, и полилась мягкая, умиротворенная мелодия, напоминающая древнее предание.

В беззаботном звучании таилась удушливая печаль — словно кто-то гнался за закатом по бесконечной дороге, отчетливо видя надежду впереди, но в итоге оставшись лишь с тяжелой усталостью и пустыми руками.

Ритм постепенно ускорился, превратившись в отчаянное, надрывное сопротивление. Высокие,

пронзительные ноты будто сулили поворот к лучшему, но в самом конце, охваченные глухим отчаянием, медленно затихли на дне.

Когда музыка смолкла, послезвучие еще долго трепетало в груди. Не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями, Жуань Вэньюй смотрел на черно-белые клавиши и собственные руки, пока в ушах продолжали звучать слова Тетушки Жун:

— Когда молодой господин женится и полностью посвятит себя семье, ему определенно станет не до тебя.

— Отношения слуги и господина не сравнятся с узами братьев и друзей.

— У тебя нет абсолютно никаких реальных связей с семьей Мо.

Пальцы Жуань Вэньюя вновь взмыли над клавишами. На этот раз музыка зазвучала яростно и безумно, словно он пытался выплеснуть наружу весь хаос и смятение, что бушевали на дне души.

Когда всё закончилось, лоб покрылся испариной. Повертев затекшей шеей, Жуань Вэньюй закрыл крышку инструмента и поднялся на ноги.

Он действительно не состоял в каких-либо реальных кровных или официальных отношениях с семьей Мо.

Но это также означало, что ничто не мешало ему эти реальные отношения создать.

Когда молодой господин соберется жениться и переключит всё внимание на семью, Жуань Вэньюй сам станет этим домом, превратится в человека, о котором молодой господин будет вечно заботиться.

Разумеется, главным условием для всего этого было желание Жуань Вэньюя сначала выяснить: есть ли он вообще в сердце этого холодного и безразличного человека?

Если есть, то какое место он там занимает?

Является ли он единственным и незаменимым, или же на его месте мог оказаться абсолютно любой другой человек?

Жуань Вэньюй жаждал всего, что тот мог ему дать, хотел монополизировать его любовь и нежность. Он не желал быть ему братом или другом и тем более не собирался благословлять его союз с кем бы то ни было.

Жуань Вэньюй прекрасно понимал, что порой достаточно просто высказаться вслух, чтобы получить результат, однако он вовсе не спешил обнажать свои сокровенные чувства и оказываться в уязвимом положении, где его смогут растоптать.

Застрав в этом противоречивом перетягивании каната между самозащитой и погоней за теплом, Жуань Вэньюй смертельно тревожился и не испытывал ни малейшей уверенности в успехе, но при этом даже в мыслях не допускал, что останется ни с чем и потерпит поражение.

Мо Цзиньхань никогда не выражал своих чувств словами, однако незримо всегда давал Жуань Вэньюю опору и уверенность.

В конце концов... кому из слуг доводилось устаиваться того, чтобы молодой господин лично кормил его кашей из ложки, а после падения — брал на руки, уносил в спальню, обрабатывал ссадины лекарством и утирал слезы?

Жуань Вэньюю было даровано слишком, слишком много привилегий. Если объяснить это не тем, что Мо Цзиньхань считает его близким другом и братом или видит в нем прежнего несчастного, хрупкого ребенка, о котором нужно заботиться,

Разве конечный ответ не может полностью склониться в ту сторону, о которой он так мечтает?

Правда, по своему характеру Жуань Вэньюй предпочитал занимать пассивную позицию: для него любая инициатива была огромным и тяжелым испытанием.

Потому что он страшно боялся неопределенности и не хотел рисковать ради призрачной надежды, которая могла обернуться ничем.

Только плывя по течению на пассивной позиции, можно было в максимальной степени оградить себя от боли, которую приносит активное наступление и движение против течения.

Поэтому заставить себя вывести правду из уст Мо Цзиньханя и найти желанный ответ казалось ему задачей невероятно сложной и безнадежной.

Неизвестность пугала сильнее всего, и чтобы не столкнуться с болью и крушением надежд, он никогда не пытался заглянуть за завесу тайны по собственной воле.

Но с тех пор, как в кабинете попался на глаза тот чертеж, душа Жуань Вэньюя наконец обрела покой.

И все же эта вещь еще не принадлежала ему окончательно, и всё вокруг оставалось лишь его догадками.

Сберегая в сердце лишь крохотную капельку сомнений, в свой восемнадцатый день рождения Жуань Вэньюй наконец получил этот подарок.

Пусть он давным-давно видел чертеж и догадывался о разгадке, в самый миг, когда всё подтвердилось и стало его собственностью, он все равно испытал невероятный восторг.

Стоило вспомнить, что музыкальная комната была спроектирована самим Мо Цзиньханем, что он специально заказал для него этот уникальный рояль...

В тот момент у Жуань Вэньюя впервые шевельнулся порыв — крепко обнять его и прямо сказать, как сильно он дорожит им.

Но в конце концов он лишь густо покраснел, подавил смущение и неловкость и тихонько пробормотал:

— Спасибо, старший брат.

Мо Цзиньхань лишь равнодушно хмыкнул, развернулся и ушел по делам.

Хотя прошло столько времени с тех пор, как он в последний раз называл его братом, почему же в этот редкий раз реакция оказалась такой холодной?

Неужели он больше о нем не заботится?

Может, музыкальная комната и рояль — всего лишь пустяк, дежурный подарок, преподнесенный для соблюдения приличий, и за всем этим вовсе не скрывалось столько заботы, сколько навоображал себе Жуань Вэньюй?

Сидя на банкетке, Жуань Вэньюй чувствовал себя обиженным и несчастным. Но стоило ему оглядеть роскошный, эксклюзивный инструмент и залитую мягким светом хрустальной люстры комнату,

Оглядеть это просторное, тихое пространство, ставшее его собственным, ни с кем не разделенным мирком.

Нет, Мо Цзиньхань определенно дорожит им.

Обязательно.

Жуань Вэньюй раз за разом убеждал себя: вокруг полно других изысканных подарков, и любой из них мог бы порадовать его, но Мо Цзиньхань начал готовить этот сюрприз еще три года

назад, велел всем в особняке держать язык за зубами, и раскрыл карты только сейчас.

Значит, он все-таки дорожит им.

Ухватившись за эту мысль, Жуань Вэньюй уже не мог сдержать радости. Казалось, его окатила волна розовых пузырьков, и от него самого теперь за версту разлило сладковатым спелым персиком.

— Люблю...

Когда Мо Цзиньхань заснул, Жуань Вэньюй, пользуясь тем, что тот всё равно не услышит, тайком прошептал ему на ухо это сокровенное слово, намеренно не добавляя никаких обращений.

Почему он поступил так?

Потому что этот бессердечный чурбан не соизволил вернуться к ужину по случаю его дня рождения, да к тому же днем отреагировал на его «брат» куда холоднее положенного.

Жуань Вэньюй затаил на него обиду: даже если тот спал и ничего не слышал, он всё равно не собирался раскрывать свои чувства.

Хм, ломай голову теперь сам, бессердечный ледышка.

<http://bllate.org/book/20910/2114591>